

обещание [4, с. 51; 2, с. 235]. В данном типе РА это условие соблюдается полностью) и метакоммуникативными (десемантизированные, сохранившие форму, но утратившие свое содержание речевые штампы, клише; обещания, данные для соблюдения вежливости в рамках неконфликтного дискурса (подробнее у П.Грайса, Дж.Лича), где основной задачей является улучшение / поддержание взаимоотношений коммуникантов. Подобные обещания считаются успешными только потому, что они были успешно произнесены [2, с. 252]. Фактор искренности в них отсутствует). Например, ситуация, в которой бывшие сокурсники приехали на встречу в колледж 20 лет спустя будучи, по сути, чужими людьми друг для друга. Ситуация прощания:

BIRKETT (head porter): Good-bye, Mr. Snell, sir. Come and see us again, won't you? We shan't forget you next time!

SNELL: I'll notify everyone about the wedding.

SAINSBURY: See you all the decade after this. (M.Frayn. Donkey's Years, act III). – в данном примере реплики Биркетта и Снелла являются косвенными обещаниями, в них легко восстанавливается перформатив *promise*. Но таковыми они есть только по форме, так как отсутствует условие искренности, а значит и обязательность исполнения обещанных действий.

По пропозиции РА можно выделить 1). *promise + Vp.* (где *Vp.* – глагол, декларирующий обещанное действие): *некто кому-то обещает сделать нечто каким-то образом*. Вариации данной разновидности РА: *promise to do* – обещание действия и *promise not to do* – обещание бездействия (e.g. *promise to come, promise not to lie*); 2). *promise + N* (где *N* – существительное, называющее обещанный предмет / объект / феномен), *некто обещает нечто кому-то каким-то образом* (e.g. *promise a house; promise freedom*).

Как видно из всего вышесказанного, РА промисивы характеризуется неоднородностью и богатством разновидностей. В ходе дальнейшего исследования нам представляется целесообразным детальное рассмотрение когнитивного компонента РА обещания с вычленением прототипа категории *ОБЕЩАТЬ*, а также анализ и описание перечисленных выше прагматических разновидностей РА промисивов с точки зрения диахронии, выявление инварианта и исторических переменных.

Источники и литература

1. Ballmer Th., Brennenstuhl W. Speech act classification. – Berlin etc.: Mouton de Gruyter. – 1981. – 274 p.
2. Levinson S. Pragmatics. – Cambridge University Press, 1983. – 397 p.
3. Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. – London etc.: Academic Press, 1987. – 397 p.
4. Yule G. Pragmatics. – Oxford University Press, 2000. – 138 p.
5. Безугла Л. Р., Бондаренко С. В., Донець П. М. та ін. Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен / Під загальн. ред. Шевченко І.С.: Монографія. – Харків: Константа, 2005. – 356 с.
6. Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. – М: Прогресс, 1986. – С. 251-275.
7. Восканян Г. Р. Структура, типы, контексты функционирования комиссивных и эмфатических ассертивных высказываний в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Пятигорск, 1985. – 16 с.
8. Иванова И. П., Буракова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М: Высшая школа, 1981. – 285 с.
9. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: «Гнозис», 2002. – 333 с.
10. Кубрякова Е. С. О типах дискурсивной деятельности // Вестник МГЛУ. – 2003. – № 4 78. – С.5-10.
11. Частникова С. А. Прямой и косвенный речевой акт обещания в английском дискурсе // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2005. – №667. – С. 74-78.
12. Частникова С. А. Статус речевого акта промисива // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н.Каразіна. – 2004. – № 636. – С.105-108.
13. Шевченко И. С. Историческая динамика прагматики предложения. Английское вопросительное предложение 16-20 вв.: Монография. – Харьков: Константа, 1998. – 168 с.
14. Шевченко И. С. Становление когнитивно-коммуникативной парадигмы в лингвистике // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н.Каразіна. – 2004. – №635. – С. 202-205.

Чевела О. В.

НЕСЛИЯННО И НЕРАЗДЕЛЬНО: ОБ АНТИНОМИЯХ В ГРЕКО-СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ ГИМНОВ И ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ ШАРАКАНЕ В КОНТЕКСТЕ РИТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Актуальность. Метод, направленный на изучение риторических приемов сакрального текста в отношении к его содержанию, в современной теологической герменевтике известен под названием риторического анализа. Как отмечают исследователи, «важнейшие переломные моменты развития герменевтического метода совпадали по времени и были связаны с крупнейшими историческими событиями, определялись в конечном счете практическими потребностями жизни людей» [1: 67]. И потому не случаен в нынешнюю эпоху духовного возрождения России, «поворот» исследований в сторону герменевтического направления, интегрирующего прежде разделенные достижения светской и церковной науки.

Постановка проблемы. Развитие герменевтики начинается с приема парафраза – пересказа, переложения того же текста, но другими словами. Христианские гимны создавались путем варьирования формул Священного Писания в рамках христианского вероучения, что подтверждают и слова «Послания патриархов Восточно-кафолической церкви о православной вере»: «Все сии книги (Триоди, Минеи) и прочие содержат здоровое и истинное богословие, и состоят из песней, или выбранных из Священного Писания, или составленных по внушению Духа, так что в наших песнопениях только слова другие, нежели в Писании, а собственно мы поем то же, что в Писании, только другими словами» (разрядка наша). Сообразно этому Текст Священного Писания рассматривается нами в качестве архетипа, который наполняется новым содержанием во вторичных текстах, что достигается анализом связей отрывка с контекстом, соотношением *параллельных мест* и выделением первичных формул и их парафразов, возникших в ходе экспликации смысла.

В отечественной традиции собственно православная герменевтика представлена трудами Г. А. Шпета, П. А. Флоренского, П. И. Савваитова, а в современной академической среде – Е. М. Верещагина и А. М. Камчатнова.

Целью данного исследования является сравнительное изучение фигуры оксюморона в греко-славянском тексте гимнов и древнеармянском Шаракане (сборнике богослужебных канонов и песен армянской восточной церкви), с точки зрения выявления универсальных первичных элементов, механизмов их образования и

трансформации. В отличие от древнеславянской гимнографии, Шаракан не был переведен с греческого, однако как и любой сакральный текст, восходит к формульному ряду Священного Писания.

Основным языковым средством сакрального текста являются тропы, посредством которых достигается способность текста быть источником познания. Тропы – общее название ораторских поворотов, оборотов речи «расшатывающих однозначность слова», греческое *τροπος* «поворот, оборот, направление, пер. оборот речи, троп, фигура», от *trevw* «поворачиваю, обращаю, направляю, побуждаю». И если позднейшее определение понятия *τροπος* подчеркивает его стилистическую и эстетическую функцию, то в святоотеческой традиции *тропы*, являясь средством Богопознания, служили способом передачи метафизических понятий, догматических определений или символических значений священных событий.

В античной риторике учение о тропах и фигурах речи включается в последний раздел третьей области риторики, именуемый «изложение». Как отмечает М. Л. Гаспаров, «фигуры переосмысления, то есть тропы, находятся уже на грани между областью «фигур» и областью «отбора слов» [2: 454].

Характерной чертой греко-славянского перевода гимнов являются антитетические сближения, основанные на парадоксальном сближении слов, противоположных по смыслу. Вся словесная служба, по выражению о. Павла Флоренского, переполнена «антитетическими сближениями и синонимическими противопоставлениями». Оксюморон как форма выражения антиномий христианского вероучения получил распространение в святоотеческой письменности и гимнографии и связан с развитием догматического богословия восточной церкви.

В состав этой риторической фигуры могли входить апофатические, или отрицательные термины – *ytghtvtuyjsb* (aⁿalloitov), *ytdvtcnbvjsb* (a^ccwv.rhto), *ytghbcnegyjsb* (a^provnsito), *ytjgbcfyysb* (a^perivgrapto), *ytdblbvjsb* (a^oovrato), *tpyfxfkyjsb* (a^lnarco), *ytprfjlbvjsb* (aⁿevspero).

Многие отрицательные термины были созданы на основе лексики с конкретно-предметным значением. Подвергнутые транспозиции, слова обиходного языка сохраняли связь с первоначальным значением, что создавало двуплановость термина, вызывая приращение в образной структуре слова:

Ghbcyj;bdjnyjsb [k@,] v@ityjsb ytcv@cyj v@ityb`v] yfivb] hjlbfk`cb ytghtkj;myj [Вол.: 99 об.] – греч. a^eivzwon alrto furavevnta a^fuvrtw`e`n furavmati h&mw`n. Сложное слово возникло в результате языковой компрессии, ибо сам Христос называет себя Хлебом жизни: e<sup>g</sup>wv ei<sup>m</sup>i o& alrto`th`zwh` [Ио. 6: 35]. В языке классическом слово *fuvrama* имело конкретное значение «мешеное, т. е. тесто», образованное от глагола *furavw* «смешивать, перемешивать, месить (о тесте)». Как отмечает В.В. Колесов, «основное значение является основой образа, способного к дальнейшему развитию» [3: 26]. Уже в тексте апостольских посланий появляются переносные значения у слов, связанных с приготовлением хлеба – *zuvmh* «закваска» и *fuvrama* «мешеное, тесто». Сам Христос сравнивает Царствие Небесное с закваской, которой никто не видит в тесте. В послании к Коринфской церкви христиане называются «новым смешением» [1 Кор 5: 6-7]. Закрепление терминологического значения «человеческая субстанция» за словом *fuvrama* происходит у Отцов Церкви в результате столкновения текста Евангелия от Иоанна: *thVn zuvmhn tou` a<sup>n</sup>qrwpeivou furavmato` e&nwsva` kaiV kaqavra* [Lampe: 1493] “соединив и очистив закваску человеческого смешения”. Устойчивое словосочетание *h&mevtero` fuvrama* «наше смешение» встречается в творениях Григория Назианзина: *Cristou` .. tou` tapeinwvsanto`*, e<sup>a</sup>utoVn mevci tou` h&mevtero` fuvrama [ibid]. Иоанн Дамаскин так поясняет этот термин, что Бог сотворил человека “смешанным из двух природ”. Наконец, уже на базе переносного значения слова появляется отрицательный термин *a^fuvrtw* «несмешанный, неслиянный» неизвестный языку НЗ. Происходит наложение образа на догматическое учение православной церкви о двух естествах, «неслиянно (несмесно) и нераздельно соединенных (смешанных)» в существе Второй Ипостаси. Как видно из приведенного примера, антиномичность ортодоксального христианского учения складывалась в непрерывной борьбе с еретическими учениями: Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» отмечает, что у Диоскура, Евтихия и Севера под смешением понималось полное растворение одной сущности в другой [кн.4: 317.1].

Иногда в славянском переводе мы отмечаем стремление к паллилогии, когда оксюморон на базе однокоренных слов употребляется независимо от греческого оригинала:

A[%]ra metaV nekrw`n h& zwhv u&poV thVn ghVn teV o& a<sup>n</sup>evvsvpero` !Hlio` ei^sevti – jE,7 c] vhd]svb ;bdjn] b g⁷= ptkz;t ytpfjlbvjtk cky=wt pfblt [KT: 375].

В буквальном переводе с греческого *aⁿevspero* – «невечерний». Согласно данным словаря Лампе, слово функционировало в составе формул антиномичных по смыслу, приобретая различные оттенки значения «незаходимый» (о солнце, о свете), *aⁿevspero* h&mevra «невечерний (т.е. бесконечный) день. Значение «незаходимый» зафиксировано у Оригена в составе парного сочетания: *toV fw` toV alduton kaiV aⁿevsperon* [Lampe: 137]. Как известно, в подобных словосочетаниях у слов вырабатывались общие признаки сходства, что и позволило славянским переводчикам сохранить «образ», отказавшись от поморфемного перевода.

В греко-славянском переводе гимнов нами выделен ряд интегральных пар, представленных и в древнеармянском тексте Шаракана, связанных с оппозицией *предвечного и временного, неместимого и вмещаемого, неограниченного и ограничиваемого, бесплотного и воплощенного*.

В древнеармянских текстах Шаракана в состав фигуры оксюморон могли входить как причастия, так и прилагательные: ³YU³iaUo «неприступный» ³Y³Yc³i, ³Y³mu³A³Y «неразделимый, неразлучный» [Дагбашян: 37, 40], ³Y³mu³oE³C «беспредельный, безграничный, неместимый» [41], ³Y³»n»baUa, ³Y³i»e³Y»E³C «невидимый» [47, 77], ³Y³1/2³Y³1/2 «несмешанный» [47], ³Y³B³»aA «неслиянный, несмешанный» [68].

Пользуясь риторическими приемами византийской поэтики и используя универсальные принципы трансформации первичных формул, христианские писатели облекали в форму антиномии аллюзии и перифразы, восходящие к текстам Ветхого и Нового Заветов: *недремлющего и спящего, несмесного и смешанного, неприступного и ставшего приступным, несвязуемого и связанного, невзятого и взятого*. При отсутствии буквальных совпадений формул подобные примеры позволяют говорить об универсальности самих принципов и приемов текстопостроения.

Антиномия *вневременного, предвечного – и временного* представлена в греческих феотокионах на основе отрицательного термина *alcrono*". Оксюморон адекватно передается в славянских богослужебных книгах (Ирмологиях, Минеях, Триодях) с варьированием лексем по редакциям:

Dj k@nj (e*n crounw) ,tpk@nyfuj (alcranon) ytphtxyuj hj;mifl [Ирм: 101], срв. hjlbf tcb dj dh@vz ,tpdh@vymyffuj [4: 302]

Появившийся в святоотеческой письменности, термин *alcrono*" мог прилагаться ко всем лицам св. Троицы (о Боге, о тринитарных отношениях). Применительно к ипостасным свойствам Второго лица Св. Троицы (рожденность) служит выражением предвечного рождения Сына: *thVn alcranon qeou' e*k patroV" gevnhhsin; thVn alcranon th" tou' Cristou' e*k patroV" u&postavsew* [Lampe, 1961: 280]. В контексте догмата о Боговоплощении формула зафиксирована в творениях Дидима Александрийского, писателя IV века [Lampe, 1961: 1534].

В древнеармянской гимнографии формула зафиксирована неоднократно, в канонах на Рождество Богородицы. Русский перевод приводим по изданию Н. Эмина, по необходимости указывая буквальные соответствия.

²YA³U³Y³Í ÁáóÁ ÍÁYáóY¹ Nûñ ç³Í³Y³ ³Ueáñ eñµ»óñ Ñ ÁñáíUÝç Á³U³Y³Í³ó U³Uñ «вневременное рождение из отчих недр, единосущное Отцу, ты ныне избрал временную мать» (букв. *освятил утробу* временной матери).

ÍYáóY¹AY Nûñ " NÇY³ óáóñóY³ YÁ³U³Y³ÍY U³óÇi³YÇó Á³U³Y³Í³ó Uáñáí³UÝÇ úá µY³Í³³É »ñ Nûñç áá U»ÍY»ó³ó «Рожденный от Отца, Ветхий Ветхий днями, от вечности *вневременный*, во чреве твоём обитает во времени, *неотлучаем от отца*».

Топос представлен набором традиционных формул, восходящих к тексту Библии или явившихся результатом развития богословской мысли первых 4-х веков: *ÍYáóY¹AY Nûñ* «рожденный от Отца», *²YA³U³Y³ÍY U³óÇi³YÇó* «от вечности *вневременный*», срв. в антиохийском символе веры: *alcranon gennhqeiv" u&poV tou' patroV"*, *paraV ai*wnwn* (о предвечном рождении Сына), *NÇY³ óáóñóY³* Ветхий днями – *palaiov" h&mevwn* [Дан 7: 9], *Nûñç áá U»ÍY»ó³ó* «неотлучаем от отца» – *a*cwvristo" u&poV tou' patroV"* (о единстве природы Сына с Отцом), срв. *³YU»ÍY»ÉÇ* «нераздельный, неразлучный». Формулировка принята на IV Вселенском соборе, но еще ранее встречалась у Кирилла Александрийского.

В ирмосах, богородичных Триоди и Минеи представлен оксюморон на основе отрицательного термина *ytvtnbnv|sb (a*cwvrhto)*: *b:t ytd|v@cnbvffuj ,u=f d| jEnhj,@ dv@cndb|iqf [КТ: 76] – a*cwvrhton qeovn.. cwrhvsasa* Варианты формулы зафиксированы в святоотеческой письменности в связи с догматами о Воплощении и Вочеловечении Иисуса Христа: *a*cwvrhto" wñn th' fuvsei givnetai cwrhto"v – невместимый сый естеством стал вместимым* [Lampe: 280].

Как отмечает Н.К. Фокков, «*adjectiva verbalia* на – *to*», могли выражать возможность или пригодность к исполнению обозначаемого ими действия, уподобляясь таким образом латинским прилагательным на – *bilis* и славянским причастиям на – *мый*, а в сложении с отрицательной частицей – и русскими причастиями на – *ный*.... Некоторые из таких прилагательных отглагол. следует переводить с прибавлением: *достойный*» [5: 47]. Соотносимые с ними армянские *participia necessitatis futuri* страдательного залога в грабаре имели широкое распространение и произошли из неопределенного склонения на –*É* с прич. суффиксом- *i*. Утратив живую связь с глаголом, они перешли в разряд прилагательных. Следует отметить, что оксюморон в древнем тексте способствует пояснению этой связи:

В каноне на второй день Богоявления:

ÁñáóU áá µ³ó»Y »ñÍÇYù AY¹áóYÇó ½³Yµ³ó»ÉÇ µYáóÇ¹ A³ñ.³YÍÇ ÍáóeÇY µY³Í³»ó³ñ «необъятное (букв. *невместимое*) естество, которого не вмещают небеса! Ты вместился (букв. *вселился*) во чреве Девы»

Многие из отрицательных терминов, как это видно из рассмотренного примера, образованы в результате языковой компрессии, стяжения формулы-синтагмы в слово. Церковный писатель устраняет плеоназм, а глагольную форму, стоящую с отрицанием, заменяет причастием. Основой для построения блока послужила библейская цитата: *ei* o& ou*ranoV" kaiV o& ou*ranoV" tou' ou*ranou' ou*k a*rkevsovin soi, plhvñ kaiV o& oi*ko" ou%to", o@n w*/kodoVmhsa* «если небо и небеса небес не вмещают тебя, тем менее сей храм, который я построил» [3 Цар.8: 27]. Древнеармянский текст помог обнаружить «общее место» – исходную трансформацию библейской формулы, послужившей основой для отрицательного термина, в творениях Епифания, писателя IV века: *cwrhvsasan (thVn parqevnon) toVn a*cwvrhton o@n ou*ranoV" kaiV gh~ cwrei'n ou* duvnantai*[Lampe: 1537] «*вместился (в деву) невместимый, которого не могут вместить небо и земля*». Устранив гебраистическую конструкцию, автор вводит в текст традиционную парную формулу *ou*ranoV" kaiV gh'*, формула *ou*k a*rkevsovin* «не вмещают» уточняется сочетанием *cwrei'n ou* duvnantai* «не могут вместить». Трансформированная подобным образом, библейская цитата поясняет отрицательный термин *a*cwvrhto*". Ряд однокорневых слов образует триаду: *cwrei'n ou* duvnantai* (тезис, о Боге) – *cwrhvsasan* (антитезис, о Воплощении) – *a*cwvrhton* (синтез, о Сыне).

В основу оксюморона могут быть положены и божественные предикации, восходящие к тексту Ветхого Завета, особенно текста Псалтири: *bcg|snffb ch¹ wf b jEnhj.ms ythgfdtlyj bcgmsnetncz [КТ: 192], срв. ub= cjElzb ghfdtlyj bcg|snff ch¹ wf b jEnhj.js [Иер. XI, 20].* Художественный эффект достигается за счет «обыгрывания» многозначности слова: *bcg|snfñb* «испытывать», «расследовать, допрашивать».

Оксюморон как способ текстопостроения и основа расширения исходных формул Псалтири используется и в древнеармянском тексте канона на Великую Субботу:

²ñÁáóY µYáóÁµ ³ñ³ñÇáY³ ³U»Y»óáóY³ ³Ueáñ YÁYçç Ç Uçç U³Ñ³ó»Éáó áñ á³ÑçÍY ½ÇçÉ ³YùáóY á³Ñá³YÇ Ç ½ÇYáóñ³ó – «Творец всего недремлющий по естеству днесь спит между умершими и стрегущий (хранящий) Израиля, Недремлющий, стрегется воинами».

В основу блока положена цитата из Псалтири: *ou* nustavxei ou*deV u&prnwvsei o& fulavsswn toVn lsrahl* «не дремлет и не спит стрегущий Израиля» [Пс. 120:4], на которую «нализываются» устойчивые формулы, восходящие к библейскому тексту: *³ñ³ñÇáY³ ³U»Y»óáóY* – Творец всего [Иер.10:16] и евангельские аллюзии: [Лук 24:5, Мф. 28: 66]. *Стрегущий, или страж ворот Израиля* – «Шомер далгот Исраэль», является одним из Божественных имен:

аббревиатура этого имени Всевышнего, состоящая из трех букв – «шин», «далет», «йод», пишется на футляре мезузы с фрагментами Торы, прикрепляемой евреями к дверному косяку.

Цитата из Псалтири изменена под влиянием антиномий христианского вероучения: *недремлющий спит стрегущий Израила (то есть не дремлет и спит)*, как способ текстопостроения использована замена одного из отрицаний утверждением, то есть замена одного из синонимов противоположным понятием и совмещение антонимов в пределах синтагмы, а также использование энантиосемии *стрегущий – стрежется*, אֲנִי יָגֵד – אֲנִי נֹאמֵר.

Выводы. Использование методов герменевтики способствует уяснению внутренних закономерностей, лежащих в основе создания сакрального Текста, его «саморазвития», позволяет сделать выводы об интерпретации текста Священного Писания авторами гимнов. Сравнительное изучение произведений гимнографии дает возможность выявить не только общий формульный ряд, восходящий к тексту Св. Писания и святоотеческой письменности, но и установить универсальные пути переработки и трансформации. Проанализированный материал позволяет сделать выводы о принципах антиномичного построения стиха, сложившихся в гимнографии восточной церкви под непосредственным воздействием святоотеческого учения.

Источники

Триодь Цветная XIV в. (Вол) – ОРК РГБ, рус., 4^о

Триодь Цветная XV в. (КТ) – ОРК КГУ, рус., 4^о

Ирмологий XIV в. (Ирм) – ОРК РГБ.

Πεντηκοστήριον – Venetia, 1884.

Эмин Н.Э. Шаракан. Богослужбные каноны и песни Армянской Восточной церкви. / Н.Э. Эмин. – СПб., 1879. – 425 с.

Шаракан (на древнеарм. яз). – Амстердам, 1702.

Толковая Библия // Под редакцией А. П. Лопухина. – Репринт. изд., Стокгольм, 1987.

Срезн.- Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка т.1-3.- М., 1989.

Lampe G.V.- A Patristik Greek Lexicon // Ed/ G.W. H. Lampe. – Oxford, 1961.

Ἐἰς τὴν ἱστορίαν τοῦ ἁγίου Ἰσίδωρου τοῦ Πάριου ἐκ τῆς ἐπιτομῆς τοῦ ἁγίου Ἰσίδωρου τοῦ Πάριου. Ἐκδόσεις τοῦ ἁγίου Ἰσίδωρου τοῦ Πάριου. © 1994.

Ἰσίδωρος τοῦ Πάριου ἐπιτομή τῆς ἱστορίας τοῦ ἁγίου Ἰσίδωρου τοῦ Πάριου. © 1814.

А. Дагбашян. Полный армяно-русский словарь, составленный доктором философии А. Дагбашяном. – Тифлис, 1911.

Литература

1. Кузнецов В. Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления / В. Г. Кузнецов // Герменевтика в России. Вып. 1 – М., 2002. С. 6-71.

2. Гаспаров М. Л. Античная риторика как система / М.Л. Гаспаров. // Об античной поэзии. Поэты. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука – 2000.

3. Колесов В. В. Философия русского слова. / В. В. Колесов. – СПб.: Изд-во “Юна”. – 2002.

4. Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095 – 1097 годов. – СПб., 1868.

5. Фокков Н. Н. К чтению церковно-греческого текста. / Н. К. Фокков. – К.: Тип. Ун-та, 1886. – 291 с.

Черняева И. А.

ПЕРВИЧНЫЙ УМЛАУТ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНИХ ТЕКСТОВ)

Исследования особенностей развития языка, реализаций и функционирования ее единиц, а также действие факторов, которые вызывают их изменение, относятся к фундаментальным положениям исторического языкознания. Такие изменения происходят на всех уровнях языка, прежде всего это относится к изменениям фонетических единиц, их структуры и места в консонантизме и вокализме того или иного языка.

Всестороннее изучение звуковых единиц предполагает рассмотрение их в динамике, то есть исследование путей и тенденций изменений, и прежде всего определение закономерностей и причин их развития. Наиболее актуальными среди этих проблем современного языкознания, как считал А. С. Мельничук, является вопросы о причинах и условиях языковых изменений и пути языкового развития [2]. В ходе развития изменяется фонологическая система каждого языка. Изменения происходят в пределах морфемы и слова в целом, они существенно влияют на соответствующие формальные реализации единиц языка [1]. За последние десятилетия возросло число научных исследований языковых единиц в диахронии. Это работы Т. В. Гамкрелидзе, В. К. Журавлева, Г. А. Зализняка, Э. А. Макаева, А. С. Мельничука, M. Reis, R. Bergmann, P. Pauli.

Изучение взаимодействия двух частей слова – корневой и суффиксальной является очень важным для понимания путей развития составляющих немецкого слова, фонетических и морфемных связей в нем.

В этом плане здесь рассматривается древнейшее фонетическое явление немецкого языка, засвидетельствованное в первых письменных памятниках, получившее в германистике название первичный умлаут (Primärumlaut). Данное изменение реализовано в корне слова и имеет вид а > е, развившееся под влиянием последующего в слове гласного /i/. Позиционная обусловленность рассматриваемого фонетического явления не раскрывает основные причины, вызвавшие подобное изменение. О природе умлаута существует ряд теорий, однако ни одна из них не имеет каких-либо преимуществ. Несмотря на многие теории, объяснявшие появление первичного умлаута в немецком языке, проблема остается открытой по настоящее время [7]. Так, разновременная фиксация изменений умлаута на письме и раннее исчезновение согласного j дали лингвистам повод считать умлаут до-древнегерманским процессом: вначале это были аллофоны, затем они фонологизировались и поэтому не нашли отображения на письме [6]. Учение об умлауте относится к главной проблеме вокализма, существующей со времени зарождения германистики, относительно которой за истекшие 150 лет нет единого мнения о том, как, когда и где он появился [3, с. 177]. Э. Г. Антонсен в цитированной статье остановился на фонологической теории, разрабатываемой американскими германистами. Считается, что в прагерманском было только противопоставление по огубленности и по уровню языка, в то же время система гласных сама по себе была асимметричной (в системе кратких гласных отсутствовал звук /o/). Это и было, как отмечает Э.Г. Антонсен, толчком к последующим фонетическим изменениям, в частности: i-умлаут гласного /e/, а-умлаут перед /i/ и /u/, i-умлаут других гласных [3, с. 180]. Они следуют процессу редукции в неударных слогах. В итоге, пишет ученый, стремление корневой гласной к приближенной артикуляции